

И.В.Аристова

"...имеет быть Концерт"

(воспоминания старожилы)

Мне было 11 лет, когда в 1920 году, потеряв родителей, я стала жить в семье бабушки со стороны матери, Анны Васильевны Щегловой. Бабушка была преподавателем музыки.

С утра до вечера в нашей квартире звучали гаммы, Ганон, а также этюды, сонаты, пьесы разных композиторов. Некоторые из них мне нравились, и я с удовольствием их слушала. А еще я любила хроматические гаммы, казалось, кто-то легкий, веселый, смеющийся взбежал по звенящим ступенькам вверх, а потом так же стремительно скатывался вниз, чтобы разбежаться в разные стороны, и затем бежать навстречу друг другу. Мне запомнилось: бабушка, сидящая сбоку рядом и ее, слегка искривленный подагрой, палец, отбивающий такт.

Музыка не мешала мне ни читать, ни готовить уроки. А вечером, после занятий, бабушка, если не была очень уставшей, садилась за рояль сама. И тогда, усевшись поуютнее, я готовилась слушать и слушать. Я любила многие вещи, которые играла бабушка, были среди них и особенно любимые: "Тройка" Чайковского из "Времен года". Мне представлялась мчащаяся

тройка, летящие из-под копыт комочки снега, чей-то смех и обрывки разудалой песни.

Вещи многих композиторов затрагивали мою душу, но самым любимым был Шопен, особенно его "Marche Funebre", вызывающий у меня острую печаль.

Иногда приходила бывшая ученица бабушки З.М.Ледер, уже сама дававшая уроки. Она приносила на суд своей учительницы только что разученную вещь и играла ее, прислушиваясь ко всем замечаниям.

Нередко бывал у нас товарищ дяди, и они с бабушкой играли в четыре руки. А потом дядя пел. В 20-30-ые годы почти все увлекались Вертинским, мы не были исключением, поэтому часто в нашей квартире звучали его песенки - изящные, легкие, хранящие что-то тайное, и, почти всегда, печальные.

Музыка была душой нашей семьи. Уже много лет спустя, взрослой мне попались газетные вырезки из "Самарской газеты", "Самарского Вестника" и др. с рецензиями, отзывами, заметками о концертах за 30 лет, с 1889 по 1919 гг., и тут же программы этих концертов. Я внимательно ознакомилась с ними и только тогда поняла, какую немаловажную роль в развитии музыкальной культуры Самары сыграла вместе с другими самарскими музыкантами моя бабушка. Ее педагогическая деятельность, организация концертов и участие в них - это был кусочек музыкальной жизни нашего города. И мне захотелось написать об этом, а также о людях, увлеченных, горячо преданных своему любимому делу.

Летом 1889 года в Самарский Окружной суд прибыл по назначению из С.-Петербурга новый член суда - Сергей Карпович Щеглов. С ним приехала и семья его - жена и две маленькие дочери.

Анна Васильевна Щеглова окончила С. Петербургскую консерваторию по классу рояля профессора Лешетицкого, получив большую серебряную медаль и звание Свободного художника.

Первые дни тоска по родным и друзьям, по дому, по Петербургу захлестывала ее. Ах, какое ужасающее впечатление произвела на нее Самара после милого Петербурга, несколько чопорного, но неизменно культурного с его изумительной, строгой архитектурой, воплощенной великими зодчими.

Внешний облик Самары удручал. Поражали деревянные неровные мостки вместо тротуара, чуть светящиеся фонари, пыль, грязь на улицах, отсутствие зелени.

Но не однолика была Самара.

Анна Васильевна Щеглова любила музыку и считала своим

долгом нести и прививать людям эту любовь, может быть, в душе полагая, что одна из тропинок к высшим идеалам жизни и есть музыка.

Жизнерадостная, энергичная по натуре, она быстро устроила свою квартиру по "образу и подобию" оставленной в Петербурге, благо свою обстановку привезла сюда, вплоть до рояля, до изящных хрупких фарфоровых статуэток, украшавших гостиную и ее будуар.

И вскоре в этой гостиной зазвучала музыка, привлекая тех, кто любил, ценил и умел слушать ее. Бывал здесь и председатель суда - сын декабриста Владимир Иванович Анненков, чьи рассказы о Сибири и декабристах всегда увлекали слушателей.

Приходили другие сослуживцы Сергея Карповича. Общество любителей музыкального и драматического искусств скоро вовлекло и Анну Васильевну в свою деятельность. Она начала выступать в концертах и вечерах.

Об одном из них в честь 50-летнего юбилея А.Г.Рубинштейна 18.11.1889 г. местная газета писала: "Вечера, подобные бывшему в субботу, могут доставить зрителям истинное эстетическое наслаждение и повторение их было бы очень и очень желательно".

Такие отзывы воодушевляли. Хотелось верить, что музыка нужна.

Ученики появились позднее. Сначала их было немного - дети знакомых, тех, кто сам ходил на концерты. Потом стало больше. Самарские досужие кумушки судачили: "Подумать только кон-сер-ва-тор-ка - слово-то неприличное какое", - шептались, поджимая губы. Когда это дошло до Анны Васильевны, она рассмеялась, и чем, кроме смеха, можно было ответить на невежество?! Знала, пройдет некоторое время, и эти кумушки приведут к ней своих дочек "обучаться на фортепьянах". И приводили. А пока мамы беседовали с их будущей учительницей, они, робея и удивляясь, оглядывали гостиную, всю заставленную цветами.

Повсюду картины и портреты. В углу над роялем на полке - мраморный бюст - композитор Гайдн. Один из тех, к искусству которых им предстояло прикоснуться. Вот тут они все в одинаковых рамках одного размера, красиво расположенные портреты великих композиторов. "Мои немцы", - так называла их Анна Васильевна, объединяя всех - Бетховена, Баха, Листа, Шуберта, Шумана, Штрауса и Шопена, Мендельсона и Рубинштейна. И тут же рядом галерея русских композиторов, наша "могучая кучка" - П.И.Чайковский, Римский-Корсаков, Глинка,

Мусоргский.

А на другой стене напротив сидящего за роялем под картиной "Смерть Шопена" - портрет учителя профессора Лешетицкого.

... И потекли дни строго, размеренные, заполненные уроками с 9 часов до 7, а то и до 9 часов вечера с двумя перерывами в полчаса и час на обед.

А когда закрывалась дверь за последней ученицей, начиналась музыка для себя, для семьи, для друзей и знакомых. И главное - репетиции, почти каждый день репетиции к следующему концерту. Нужно было много играть, готовясь к сольному выступлению или аккомпанировать кому-нибудь.

В этом доме музыку любили все. Нередко из своего кабинета выходил Сергей Карпович и, прислонившись к дверному косячку, слушал. Он очень волновался за жену и поэтому не ездил на концерты, предпочитая наслаждаться музыкой у себя дома.

... И по всей квартире, доставляя слушателям невыразимое удовольствие, лился глубокий выразительный голос Зинаиды Ивановны Фатеевой. В ее пении чувствовался большой художник, глубоко понимающий и чувствующий то, что он воспроизводит. Она умела заставить всех переживать те чувства, которые выражала сама в исполняемых произведениях.

Зинаида Ивановна, жена присяжного поверенного Самарского суда, отзывчивая, доброжелательная, всегда была готова помочь каждому, принимая участие в благотворительных концертах. Ее пение было хорошо известно самарскому обществу, вызывая бурные овации, заставляющие ее петь еще и еще. В ее репертуаре было много Чайковского, романсы: "День ли царит", "Так что же?", "Колыбельная" и др.

Были арии из опер - "Пиковая Дама", "Руслан и Людмила", "Русалка", "Жизнь за царя" и др. Пела З.И. и Баха - "Ave Maria", Эллегию Масне, Неополитанскую песнь Тости... Романс Шумана, который прекрасно исполняла З.И. "является предвестником приемов писания романсов, которых представители явились наши композиторы Мусоргский, Бородин, Чайковский и их последователи" - писал И.В.Гинзбург в рецензии на концерт 28.02.1895 г.

Одним из лучших номеров по художественному исполнению была партия в квартете Фора Crucifile, который опирается главным образом на ее партию. Он всегда вызывал долгие овации и просьбы повторить его...

Она умела выбирать себе вещи по силе голоса и со вкусом. В этом отношении у них не было разногласий. Они все стара-

лись знакомить тех, кто приходил их слушать с классикой, с лучшими отечественными и мировыми музыкальными произведениями. Поэтому со сцены Коммерческого или Благородного собрания, где обычно проходили концерты, звучали не только произведения русских композиторов, но и арии из опер Диницетти - "Линда ди Шамуни", Мейербера - "Пророк", пажа из оперы "Гугеноты" и ария Зибеля "Расскажите вы ей..." из оперы "Фауст", исполняемые певицей О.М.Храповицкой, обладающей прекрасно поставленным и от природы богатым голосом. Пение ее всегда было искренним, выразительным, пела ли она по итальянски или на родном языке. Молодая талантливая певица В.В.Мандражи своим прекрасным голосом с успехом исполняла романсы В.Ф.Давыдова - "Молитва", "Сожженное письмо" Ц.Кюи, романс из оперы "Миньон" А.Тома, с виолончелью романс Малашкина "О если б я мог выразить". И.Д.Гинзбург писал о ней - "Вообще пение В.В. носит отпечаток девственной красоты, полной идеальной задумчивости, до которой еще не коснулся порыв бурных волнений".

Успешно выступали и певицы: - А.В.Родионова, известная самарской публике, с наслаждением слушавшей ее художественное пение, и Воронова - артистка с хорошо поставленным голосом - звучным богатым контральто. Среди мужчин певцов выделялись: Г.А.Листов своим мягким и звучным баритоном, П.П.Васильев, обладающий красивым и сильным тенором, баритон басового тембра Задольский, артист местного театра, пел он с большой выразительностью и задушевностью, его богатым природным данным была нужна хорошая школа и столичные образцы, считали критики. Р.Адельгейм пользовался одинаково большим успехом и как декламатор и как певец, у него не было особенно сильного и красивого голоса, но "он так великолепно им владеет и с такой экспрессией, грацией и глубиной понимания исполняет романсы, что слушать его истинное наслаждение", - писали о нем в газете.

С успехом выступали и другие певцы - И.Г.Карепов, учитель одного учебного заведения, В.Д.Мамаев - бас, М.И.Мельников, кроме сольных номеров выступающий и как руководитель мужского хора любителей. Позже после открытия в 1902 г. Самарского отделения Русского Императорского Музыкального Общества и при нем музыкальных классов, с большим успехом пел в концертах один из преподавателей - Л.Я.Карклин, позднее ставший директором.

В концерте 18.06.1889 г., посвященном А.Рубинштейну, участвовал мужской хор любителей под управлением П.П.Лоймана и заслужил высокие похвалы слушателей. Некоторые номера

были исполнены не только безукоризненно, но и высоко художественно. "Особенно обаятельно подействовал на слушателей хор, исполненный во время живой картины апофеоза Рубинштейна, оттенки, выражающие приближение и удаление хора, восхитительны", - замечает неизвестный автор в статье "Театр и музыка". Их было порядочно, разных хоров любителей - женских, мужских и смешанных, хоры учащихся разных учебных заведений - женской и мужской гимназий, реального училища, духовный хор под управлением Тарасеева.

А на концерте Ф.Ф.Мюллера, скрипача местного оркестра, в 1887 г. прозвучали "Часы во Святую неделю Пасхи" - Донского распева, Кондик Н.Виноградова "Душа моя" и "Торжествуйте днесь", концерта Баратынского, исполненные архиерейским хором под управлением Камника.

Разбирая программу и исполнителей концерта, посвященного памяти П.И.Чайковского 27.03.1894 г., критик "Самарской газеты" "Самарец" пишет: "Хоры из опер "Игорь" Бородина и "Нижегородцы" Направника, под управлением г-на Тарасеева, сверх ожидания исполнили оба этих чудных произведения наших выдающихся композиторов-новаторов довольно стройно и с такими нюансами, какие трудно встретить в обычном духовном хоре. Выдающихся голосов в хоре нет (да и быть не может - сейчас переманят в столицу), но зато все голоса равны и не заглушает один регистр другого, а это самое большое, что можно требовать в провинции". Вспоминая исполнение оперных хоров Мариинского театра оперы "Игорь", вызвавшее чувство восторга у публики, критик замечает: "-А у нас! Какая пустота в концертном зале, какая вялость впечатлений" - "Хорошо-то оно хорошо, - заметил мне один местный сын Самары, - да только все эти Мендельсоны да Шуманы, и Направники нам не по зубам, нам бы что-нибудь полегче", - "Вроде свистуна и звукоподражания Доценко?" - спросил я, - Да, хоть бы и Доценко", - самодовольно оживляясь продолжал он, - "Чем не артист? Соловья то Вытака он как исполняет! Куда и Альме Фостром до него! Та разводит разные арии, и Доценко как зальется, засвищет... закрой только глаза, - ну настоящий соловей, да и только! - С артистизмом заключил он. "Да, долго еще, - подумал я, - артистическое подражание пению птиц и хрюканью свиней будет ставится самарцами выше наслаждений чистой музыкой, в высоких музыкальных и сложных формах современной инструментовки и аранжировки заключенной. И много еще нужно таких концертов, да и много терпения и самопожертвования проявить устроителям таких музы-

ПРОГРАММА

МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ВЕЩА ВЪ ПОЛЬЗУ

НѢСКОЛЬКИХЪ ВѢДНЫХЪ СЕМЕЙСТВЪ,

1-го Января 1891 года.

1. Дуэтъ для фортепiano и скрипки. Кюи.
исп. Г-жи Щепанская и Щаглова.
2. Рыцарскій романсъ - Глиски.
исп. Г. Мамъевъ.
3. Чтеніе - - - - -
исп. Г-жа Молгачева.
4. „Очи прелестныя“, изъ оп. Люб. нап. - Доницетти.
исп. Г. Кореповъ.
5. „Молись“, ром. съ аккомп. скрипки. - Вилламова.
исп. Г-жи Смолякъ и Щепанская.
6. Чтеніе - - - - -
исп. Г. Вобровъ.
7. а) „Такъ что же“? романсъ - Чайковскаго.
б) „Неаполитанская пѣснь“ - Тости.
исп. Г-жа Фатѣва.

Самара, Печ. лоз. 29 Декабря 1890 г. Полиціймейстеръ Агатицкія. Тавопр. И. П. Попикова.

кальных вечеров, чтобы научить самарца огличать искусство от жонглерства в нем. Правда, билеты на концерт Альмы Фостром все распроданы, но свидетельствует ли это о том, что будто самарцы любят музыку и искусство, и только слабость местных исполнителей является причиной пустоты в концертах, и раз явится крупное дарование - все полно. Скорее причина в подражательности, чем в любви к чистому искусству".

На сценах городского театра, Коммерческого и Благородного собраний выступали гастролеры.

В 1892 г. - Ниче Эрмани, с участием скрипачей А.А.Щепанской и Б.В.Петрусевича, пианисток А.А.Флоровой и А.В.Щегловой и виолончелиста И.Ф.Шульц.

В феврале 1893 г. состоялся концерт артистов Императорской оперы - Гинкуловой (контральто) и Вельчиева (тенор). В концерте принимали участие и А.В.Щеглова, которой пришлось кроме своих двух сольных номеров аккомпанировать им.

Через два года 13.01.1895 г. в зале Коммерческого собрания зазвучал голос артиста Императорского русского театра В.С.Мирова, бывшего земляка самарцев. Концерт В.С.Мирова состоялся при участии О.М.Храповицкой, З.И.Фатеевой и А.В.-Щегловой, а также приехавшего вместе с ним чтеца-декламатора В.Е.Ермилова. В.С.Миров лет восемь назад жил в Самаре и даже принимал участие в вечерах бывшего тогда музыкально-драматического общества.

"Уже тогда, - писала о нем "Самарская газета", - его голосовые средства поражали слушателей богатърской силой и природной красотой звука. После Самары г.Миров был в Италии, учился там пению у лучших профессоров и достиг таких успехов, что перед ним охотно раскрылись двери нашей лучшей оперной сцены - Мариинского Большого Театра. Здесь он сразу выдвинулся своими голосовыми средствами, несмотря на то, что рядом с ним пели такие артисты, как Бутенко и Трезвинский.

В концерте В.С.Миров исполнил несколько оперных арий в т.ч. "Любви все возрасты покорны", романсы - "Ночной смотр" Глинки, "Расшумелись, разгулялись" Пасхалова и много романсов сверх программы, по настойчивому требованию публики, оставшеися в восторге от его пения... Другим героем вечера был г.Ермилов (приехавший с г.Мировым из Москвы), талантливый чтец и рассказчик". Он прочитал очерк Григоровича "Весельчаки" и рассказ А.П.Чехова - "Винт", вызывая искренний смех у публики. Как обычно успешно прошли выступления З.И.-Фатеевой и О.М.Храповицкой. А.В.Щеглова, кроме аккомпанемента всем певшим, исполнила на рояле этюд и скерцо b-moll

Шопена. Ей много аплодировали, и она много играла на bis.

“На сколько концертирующие в Самаре могут рассчитывать на местных здешних серьезных исполнителей доказали, кроме г-жи Храповицкой еще и г-жи Фатеева и Щеглова” (И.С.).

29 января этого же года в Городском театре труппой русских драматических артистов под управлением Е.В.Молгачевой и А.П.Грубина была представлена драма в 5 действиях “Степной богатырь”, соч. И.Салова.

В концертном отделении при участии З.И.Фатеевой, А.В.-Щегловой и Ф.Ф.Мюллера еще раз в Самаре выступил В.С.Миров.

...Программы концертов составлялись всегда продуманно, тщательно. Старались привлечь для сольных номеров молодых любителей и местных оркестрантов. На вечере - концерте, посвященном студентам-специалистам 04.01.1893 г., играл на скрипке студент Чаковский. Тогда же и solo и вместе с ним выступал на концерте А.А.Зигмунтович. “Спокойно без преувеличенной аффектации г-н А.К.Яковлев кларнетист в концерте Нейбича с оркестром выказал необыкновенную отчетливость, которой всегда отличается игра ею, составляющая очень ценный вклад в оркестре,” - пишет в заметке о концерте 03.03.1896 г. И.Д.Гинзбург. Были сильные выступления на волторне - Винокуров А.А. цитре - Дикгор, органе - Цвилленев Н.О., флейте и других инструментах. С успехом выступали молодые виолончелисты Ф.И.Бобель и В.И.Тургин. Об их игре в “Самарской газете” и “Самарском вестнике” появлялись рецензии. Оба были молодые, начавшие недавно изучать виолончель. В “Самарском Вестнике” о Бобеле писали: “Его игра отличается большой певучностью и умением извлекать из инструмента тон длинным смычком, особенно в *adagio*... Вообще в его игре видны прекрасные задатки, проявляющиеся в стремлении выразить глубокие чувства” (1896 г. 03.03 И.Д.Гинзбург). Турчин, игравший ранее на скрипке, недавно перешел на виолончель, за короткий срок сделал заметные успехи. К сожалению игра в оркестре мешает ему совершенствоваться. Однако, “игра г-на Турчина на виолончели была полна изящного вкуса и тонкого чутья” - пишет о нем И.Д.Гинзбург, а “Самарец” о Турчине, выступавшем в концерте 23.02.1895 г. замечает: “ему надо еще много работать и учиться, способности у него и музыкальный вкус бесспорно есть, но все остальное в будущем, а будущее пытаться опасно”.

В газетах писали: “Вечер произвел приятное впечатление на публику и по выполнению и по разнообразию программы” (1889

г.). "Программа концерта была составлена очень разнообразно, выбор пьес был очень удачен, что делает честь художественному вкусу организаторов вечера" (27.03.1894).

Программа концерта составлена умелой рукой, все почти номера интересны или глубокой музыкальной экспозицией, или новизной, или оригинальностью сюжета и рассчитаны, очевидно, и на общую публику и на любителей специалистов" (03.03.1897 г.) и т.п.

Кроме сольных и оркестровых номеров в программу включались трио и квартеты, о которых писали: "Первый квартет Мендельсона исполнен был по сретовке очень стройно г-жей Щепанской, г-ми Антоновым Д.С. (2 скр.), Петрусевичем Б.В. (альт) и Турчиным В.И. (виолон.) 27.03.1897 г. - писал "Самарец", - "но слабые инструменты (искл. 1 скр.) несколько умаляли музыкальность впечатления. Конечно, в провинции трудно и требовать дорогих инструментов, всякий, знакомый с трудностями поставки таких квартетов в особенности, когда одни играют с нот, а другие (1 скр.) наизусть, отдает должное умелой и старательной сретовке этого квартета.

Постановка таких квартетов дело вообще неблагоприятное, т.к. оценить по достоинству их могут только специалисты и профессиональные любители, не только в Самаре.

"Одним из последних украшений концерта было трио сочинение Берно для рояля, скрипки и виолончели, исполненные г-жей Вейман и господами Антоновым Д.С. и Беллером М.А. ... Ансамбль был необыкновенно удачен, он был особенно обязан руководящей роли г-жи Вейман (03.03. 1896 г. И.С.Гинзбург)".

В концертах и музыкально-драматических вечерах принимали участие чтецы-декламаторы, как любители, так и артисты местной драматической труппы - Грубин, Саблина, Дольская, Востоков, Кривцов, активная участница постановок и выступавшая как декламатор Е.В.Молгачева и др.

Среди декламаторов пользовались неизменным успехом - Борисьяк А.Н., комический талант которого всегда вызывал гром рукоплесканий, К.К.Позерн, своим мастерским чтением покорявший публику, Решимов - выступавший со стихотворениями, в которых слышался смелый призыв к высшим целям жизни человеческой, критика подлости и невежества... Репертуар был разнообразный - Апухтин, Майков, Никитин, Строкомля-Слепцов, Беранже, сб. "Живая струна" и др.

Были и постановки артистов местной труппы, как - "Всем сестрам по серьгам", соч.Тихонова, "Дамская война или соперницы" О.Чуминой, "Степной Богатырь" - драма в 5 действиях И.Салова. А так же "Завтрак у предводителя" И.С.Тургенева,

поставленный 14.11.1893 г. на музыкально-драматическом вечере памяти И.С.Тургенева и П.И.Чайковского. Концерты памяти П.И.Чайковского устраивались неоднократно, были концерты памяти А.Г.Рубинштейна, Шумана, Рахманинова, в день столетней годовщины рождения Н.И.Лобачевского с вступительным словом И.А.Щепанского: "Биографический очерк деятельности Н.И.Лобачевского в связи с историей Просвещения Поволжья", в память первого концерта студентов специалистов, в день 20-летия общества поощрения образования, и др.

В марте 1890 г. состоялся концерт певца и хормейстера М.И. Мельникова, в декабре 1891 г. - бенефис виолончелиста И.Ф. Шульца. В Оренбурге в 1893 г. - концерты З.И.Фатеевой при участии А.В.Щегловой и скрипача Ф.Ф.Мюллера, как всегда прошедший с большим успехом. 22-го февраля 1895 г. в зале Коммерческого собрания скрипач Ф.Ф.Мюллер, ученик профессора Иоахима Берлинской Императорской Консерватории, дал концерт с участием З.И.Фатеевой, А.В.Щегловой и В.И. Турчина. После концерта появилась в газете "Самарский Вестник" заметка "Сцена и эстрада" постоянного музыкального критика И.Д.Гинзбурга. "Первой пьесой концерта была соната Е.Грига для скрипки и рояля. Это очень серьезное и оригинальное произведение было выполнено Ф.Мюллером и А.Щегловой с глубоким пониманием мысли автора. Скрипка и фортепьяно чередовались в мастерском исполнении, как бы дополняя друг друга взаимными отголосками чувств, выраженных в весьма трудных для исполнения формах и исполненных с легкостью и выражением, какие недоступны исполнителям, владеющим не артистически своими инструментами. Вообще г-н Мюллер блистательно доказал в этом концерте, что он достойный ученик своего знаменитого учителя Иоахима, профессора Берлинской Консерватории. В его игре преобладает строгая немецкая школа, полная художественного достоинства и сдержанности, проявляющейся в отсутствии ложной аффектации".

"Г-н Мюллер был в ударе, концерт Мендельсона и "Полонез" Вьетана сыграно им превосходно... Особенное впечатление произвел квартет для сопрано, скрипки, виолончели и рояля, религиозная мелодия Фора "Крутификс", этот номер, по требованию публики, был повторен и прослушан с удовольствием", замечает другой критик под инициалами "И.С."

"Г-н Мюллер, как и в прошлый раз в концерте театрального оркестра 28 февраля, - пишет И.Д.Гинзбург, - выступил во всеоружии приемов своей прекрасной игры на скрипке... Кроме других номеров, Ф.Ф.Мюллер исполнил *Lapateado* соч. Сарасате, всемирно известного испанского виртуоза скрипача, эта

пьеса по желанию публики, была исполнена два раза. Из произведений Сарасате особенно выделяются написанные им в испанском национальном духе. Они отличаются оригинальным задором испанской страстности. *Lapateado* играется очень быстрым темпом и требует очень выработанной техники для ее исполнения и понимания характера испанской национальной музыки, проявляющейся в этой пьесе с оригинальными акцентуациями с перерывом в некоторых частях тактов, что очень усиливает эффектность пьесы. Аккомпанировать в этой пьесе с соблюдением характеристических оттенков могут не многие. Аккомпанемент А.В.Щегловой совершенно сливался в одно целое со скрипкой".

"Самарец" соглашается с оценкой Гинзбурга игры Ф.Ф.Мюллера, представляющего "прекрасный образец немецкой школы, где много педантичности и сухости преобладающих над чувствами, которое хотя и присутствует в игре, но в строго взвешенной пропорции, как подобает приличному и благовоспитанному артисту высшей немецкой школы. В настоящем же концерте артист пересилил - если так можно выразиться немца и исполнил он, в особенности, ноктюрн Шопена *Es-dur* и *Lapateado* Сарасате с таким чувством и огнем, которых до тех пор в нем подозревать было трудно".

Ф.Ф.Мюллеру часто аккомпанировала А.В.Щеглова. Она, так же, как и З.И.Фатеева, не отказывалась от участия в концертах, - играя и *solo* и аккомпанируя кому-нибудь.

Уже после первых концертов она завоевала признание Самарской публики. В одной из газет после концерта 18.11.1889 г. в честь пятидесятилетнего юбилея А.Г.Рубинштейна писали: "Многие в публике очень жалели, что только в одном номере удалось им услышать исполнение *solo* на фортепьяно уч-цы Лешетицкого г-жи Щегловой. Болезнь ее лишила удовольствия, которое выпадает только на долю ее знакомых".

В 1893 г. после концерта в память первого концерта студентов специалистов одна из газет так отзывалась об А.В.: "Г-жа Щеглова - вполне законченная дипломированная Петербургской Консерваторией пианистка; техника ее безупречна и по чистоте исполнения и по изяществу и легкости стилия; в игре ее нет большой силы, но зато отделка деталей доходит до мозаичности, поэтому сильные бравурные пьесы не в ее жанре и еще несколько вредит силе впечатления ее игры отсутствие размаха, увлечения артистического - чувствуется какая-то связанность, как будто даже робость в игре, что тем более странно в профессиональной пианистке, игравшей перед целым ареопагом профессоров в консерватории, из которых одного Ру-

бинштейна можно более бояться суда целой толпы, в особенности столь мало развитой, как Самарской”.

О ее безукоризненной технике, изяществе, легкости, стиле, в особенности в исполнении произведений Шопена, писалось не раз. Так Гинзбург И.Д. замечал: “А.В.Щеглова, ученица Лешетицкого, которого теперь считают лучшим пианистом-преподавателем в мире, исполнила всю программу концерта с резким техническим совершенством и с пониманием духа исполняемых ею произведений...”

В другой заметке он, указывая на исполнение А.В.Щегловой двух пьес Шопена - баллады *sol-mineur* и “*Berceuse*”, подчеркивал, что обе вещи были выполнены с такой “Художественной грацией и отчетливостью”, что, по его мнению, по окончании пьесы звуки продолжали повторяться в ушах слушателей.

С ним соглашается и “Самарец” в заметке об этом же концерте, добавляя: “если нужно непременно сравнение, то вернее игра А.В.Щегловой напоминает игру артистки Бенуа, по ее легкости стиля, задушевности тона и мозаичной чистоте в отделке деталей”.

Да, А.В.Щеглова любила Шопена и в редком концерте не исполняла какую-нибудь его вещь. Об этом говорилось почти в каждой рецензии. Так И.Д.Гинзбург писал: “Г-жа Щеглова, по обыкновению, была верной выразительницей настроений Шопена, что сказалось так ясно в исполненной ею прелюдий, главный характер которой есть мечтательность”. Далее в рецензии говорится, что в исполнении А.В. очень изящно прозвучали мазурка Годара и особенно мастерски и виртуозно вальс Листа на тему из оперы “Фауст”, “требующий изящества игры соединенной с силой и с высокой степенью техники”. “Самарец” так же подчеркивает: “Этюд с-*moll* Шопена был проведен г-жей Щегловой с таким ярким выделением основной мелодии и с такой верной педализацией, что рояль положительно пел под руками артистки...” (09.04.97)

А.В. не только аккомпанировала солистам, она часто играла с местным театральным оркестром, об игре которого не раз писалось в местных газетах.

Вот рецензия И.Д.Гинзбурга на концерт местного театрального оркестра 28.02.95 г. “Из оркестровых номеров удачнее других прошла увертюра “Робеспьер”, в которой был очень верно поставлен темп,” - считает он и далее продолжает: - Эта увертюра составляет одно из удачнейших оркестровых произведений Литольфа.... Для точного и вполне законченного исполнения этого произведения нужен был более ровный подбор инструментальных сил... Вообще трудно в провинции устроить

равномерный подбор инструментов для исполнения больших серьезных произведений. Такое же замечание неравномерности должно относиться и к увертюре "Фингалова пещера" Мендельсона, в которой главный мотив, повторяющийся и проникающий всю пьесу должен бы был явственно выделяться в каждой партии, оттеняясь тембром различных инструментов. Впрочем, все сказанное не касается качества игры отдельных исполнителей, так как каждый из них с точностью исполнил свою партию. Из этого следует только прийти к заключению, что при усилении оркестра нужно весьма разборчиво и осторожно делать это усиление, так чтобы не происходило нагромождения одних инструментов в ущерб другим, что особенно бывает заметно в произведениях композиторов романтического направления, к числу которых принадлежал и Мендельсон".

Не раз в "Самарской Газете" и "Самарском Вестнике" появлялись рецензии на один и тот же концерт "Самарца" и И.Д. Гинзбурга. Гинзбурга - эмоциональные и восторженные, "Самарца" - сухие и сдержаннее.

Вот и на этот, только что прошедший 28.02.95 г. концерт театрального оркестра, обоими написаны отзывы. "Самарец" начинает свою рецензию словами о том, что т.к. этот концерт достаточно обширно разобран в "Самарском Вестнике" И.Д. Гинзбургом ему бы "только хотелось поставить несколько штрихов на том слишком розовом общем фоне, который преобладает вообще в прекрасно-душных рецензиях г. Гинзбурга относительно характера исполнения отдельных концертов". "Самарец" так же, как и Гинзбург осуждает неудачный подбор инструментов для усиления оркестра, которые увеличивали только количество, а не качество исполнения, что было особенно заметно, по его мнению, в заключительном оркестровом номере и в увертюре "Робеспьер". Но о местном театральном оркестре он отзывається с уважением. "Наш оркестр далеко не из тех, достоинство коих видишь в том, что хоть музыканты немного уши и дерут, зато хмельного в рот не берут", конечно, в нем за исключением Ф.Ф. Мюллера нет солистов виртуозов и быть не может при том скудном вознаграждении, которое может дать местное общество оркестру, но многие из музыкантов оркестра далеко не ремесленники, а искренно любят музыку, как искусство, которому они и посвящают при самых неблагоприятных материальных условиях все свои силы и жизнь, ищут случая усовершенствовать свои силы. "В заключение отчета об этом, в общем бесспорно удачном концерте не могу не указать на то симпатичное дружное участие, которое про-

явили местные небольшие силы музыкального и драматического кружка к лучшей обстановке и успеху концерта, чтобы поддержать меньшую музыкальную братию, оркестровых музыкантов, в их тяжелом материальном положении. Побольше бы такого дружеского единения, поменьше бы партийности, чванного критиканства и всем нам легче будет жить и жизнь, согретая живым, святым чувством любви и помощи ближнему, будет светлее и осмысленнее”.

Каждую весну во время Великого поста (7 недель до Пасхи) театр прекращал работать. На 1-й, 4-й и 7-й неделях представлений не было. Оркестр становился безработным.

В начале марта 1896 г. в газете появилась заметка - “Сцена и кулисы” без подписи, в которой автор описывает материальное положение музыкантов оркестра. “Они играли и кормились со своими семействами, теперь перестали играть, но нельзя им перестать кормиться и перестать поддерживать существование семейств в ожидании будущих благ. Вот в этой борьбе за существование и хотят помочь наши местные музыкальные силы этим честным труженникам, исполнявшим добросовестно свое дело за, сравнительно, очень небольшое вознаграждение”.

Концерт, данный местным театральным оркестром 03.03.96 г., был одним из удачнейших в эту зиму, как по выбору пьес, так и по исполнению, считает И.Д.Гинзбург. “Все оркестровые номера отличались единством и весьма художественным выполнением... Особенно хорошо была исполнена увертюра Рейснера, написанная в блестящем стиле и полная блестящих эпергических приемов, в которых хотя чередуются инструменты, но главная роль принадлежит смычковым, проводящим главную задачу увертюры,.. Концерт закончился очень интересным по оркестровке вальсом сочинения Матей, полным самой пикантной оживленности, благодаря прекрасному исполнению и оригинальным партиям кларнетов и тромбонов, поддерживающим интерес игривости и грации до конца”. О концерте театрального оркестра, состоявшегося равно через год 03.03.97 г., в “Самарской газете” появилась рецензия “Самарца”. “О достоинствах нашего оркестра и строгой выдержанности их в исполнении и основной музыкальной мысли каждого произведения и тщательной отделки деталей мне приходилось неоднократно говорить... Оркестр, к сожалению, был усилен еще солдатскими трубами, вносящими более шума, чем музыкальности и мало соответствовавших исполнению таких классических произведений, как Мендельсонская увертюра “Rui Blas” и “Руслан и Людмила” Глинки. Исполнены были, правда, все номера

стройно и выдержанно, но потому-ли, что зал Коммерческого Собрания мал для такого оркестра в сравнении с театральным, потому-ли, что дешевенькие инструменты не могут дать изящного тона, или по другим причинам, но все оркестровые номера звучали слишком резко и духовые инструменты подавляли струнные. Лучше прошло "Capricio Brilliant" с роялью. Здесь инструменты не подавляли главной рояльной партии, блестяще проведенной опытной артисткой г-жой Щегловой, а гармонически сливались с изящной игрой последней. В начале, впрочем, в чудном "Andante", замечалась некоторая неровность темпа и тона в "piccato" в оркестре, но потом эти шероховатости исчезли и вторая часть "Andante" и бравурный эффектный конец "capricio" проведены были в строгом гармоническом единстве".

В этом концерте оркестром были исполнены "Юбилейный марш" "Серебряной свадьбы" и "Полонез" из "Серебряной свадьбы" сочинения местного композитора и музыкального критика И.Д.Гинзбурга.

"В смысле новизны, - пишет о них "Самарец", - (они) были интересны, но по оркестровке были бледны... В "Полонезе" еще типичнее выдержаны и полнее развит основной ритм мелодии, но марш очень однообразен и беден по оркестровому развитию основного жиденького вдобавок Leitmotiva. Последняя вещь вообще скорее уместнее в исполнении какого-нибудь садового оркестра, при выходе куплетистов комиков, чем на концертной эстраде, где параллельно исполняются глубокие произведения классиков".

Но в общем, считает "Самарец" - "Концерт местного театрального оркестра сошел с циклом, в особенности в смысле сбора, если принять во внимание, как туго наша самарская публика откликается вообще на всю область искусства".

В 1902 г. в газете появляется заметка под инициалами А.Л. "Концерт музыкального оркестра 10 марта собрал не особенно много публики и вряд ли может считаться особенно удачным в материальном отношении. А, между тем, программа концерта с преобладающими оркестровыми номерами составлена интересно, да и не представляет для Самары повседневного явления и должна бы была привлечь любителей музыки, не говоря уже о том, что самарские меломаны оказались в достаточной степени индифферентны к оркестру, поработавшему не мало для развлечения скучающего самарского обывателя. Ведь оркестр каждого театра несет огромный труд и следовало быть немного... благодарнее..."

...Извиняюсь за откровенность и сухость изложения - но не

могу отделаться от впечатления, оставленного во мне этими скромными незаметными труженниками, ставшими на несколько мгновений героями вечера - чтобы, вслед за этим, опять слиться с общей массой рядовых оркестровых музыкантов... И как-то больно и жутко становится..."

Наступил XX век. Век Великих свершений и небывалых трагедий, роковых ошибок, горьких утрат и не сбывшихся надежд... Век поражений и славы... Век насилия, крови и слез...

А что принес, чем ознаменовался он в музыкальной жизни Самары?

В 1902 г. было открыто Самарское Отделение Русского Императорского Музыкального Общества. При нем организовывались музыкальные классы, хор учениц, оркестр любителей под управлением преподавателя музыкальных классов Я.Я.Карклина.

В концертах стали принимать участие новые преподаватели пианисты: А.Жуковская, А.Ф.Лаговская, Л.А.Цветкова, свободный художник, уч-ца профессора Бон-Арка С-Пб. Консерватории А.П.Даугулл и др.; скрипачи: В.Л.Жуковский, Г.Н.Цветков, М.Г.Эрденко, только еще становящийся тем кем он стал - известным артистом. Виолончелисты, среди которых ученик профессора Вержбиловича - свободный художник Элпидов, В.В.Столлер и др. Часто выступал оркестр любителей Самарского Отделения и смешанный хор любителей Самарского отделения и ж.д. под управлением Я.Я.Карклина.

На самарских сценах пели оперные артисты - А.М.Томская, И.П.Дмитревский, артист Императорского театра Ф.Ф.Закржевский, выступали гастролеры Тереза Абрель, Стеллекко (1903 г.), и, как всегда, покоряя слушателей, звучали Чайковский, Глинка, Мусоргский, Бородин, Шопен, Бах, Шуман, Бетховен.

Невесело начинался XX век... Русско-японская война. Порт Артур... Цусима... Поражение России... 9-ое января 1905 г. Революция 1905 - 1907 гг. Кровавые вехи входящего в историю нового века.

А маленькая кучка людей, далеких от политики, несмотря на тревожную, душную атмосферу тех лет продолжала свое дело - пропаганду прекрасного, знакомя приходящих на концерты с великими творениями прошлого и современности.

Отделение все настойчивее вводит в свои программы камерную музыку.

Приветствуя это, критик Линев в своей статье "Театр и искусство" делает некоторые замечания по поводу концерта 09.02.1908 г. о непригодности помещения музыкальных клас-

сов для концертов. Затем разбирает исполнение некоторых номеров программы и кончает словами: "Мы еще раз выказываем педагогам музыкальных классов искренние пожелания, чтобы они продолжали пропагандировать камерный стиль; пусть не смущаются, что публики мало их посещают, пусть не забывают, что они несут миссию, а всякая миссия сопряжена с горькими разочарованиями, с тяжелыми неудачами и, лишь упорно и настойчиво стремясь к намеченной цели, можно надеяться на достижение благих результатов. Мы твердо верим, что настанет время, когда публика обратит должное внимание на удовольствия, достойные культурного народа".

"По-видимому, публика заинтересовывается настоящими концертами и, надо думать, что музыкальные вечера нашего Отделения станут излюбленным местом душевного отдыха от повседневной суеты".

Так оптимистично заканчивает свои заметки и критик Богушевский.

В 1908 г. самарцам, особенно тем, кто посещал концерты, художественные выставки, театр, кто мыслил, чувствовал, интересовался не только ценами на зерно, мясо, шкуры и пр., для которых истинные ценности жизни не исчислялись только рублями, комфортом, роскошью, судьба преподнесла подарок в лице нового директора самарского коммерческого училища П.А.Конского. Высоко образованный, культурный, талантливый оратор, знаток искусства Конский с 1-го октября 1908 г. начал читать лекции, организованные Самарским Обществом Народных Университетов о развитии мирового искусства.

Лекции сопровождалась показом диапозитивов и фотографий и имели большой успех. Залы коммерческого училища и Пушкинского Народного Дома всегда были переполнены слушателями.

Муж и жена Конские быстро вошли в круг близких знакомых и друзей семьи Щегловых.

"Семья Конских, как светлая звездочка в нашей обыденной, скучной жизни..", писала в своих записках А.В. Суббота, 1-го марта 1908 г. положила начало субботним вечерам любителей музыки. Собирались по очереди у Щегловых, Аристовых (старшая дочь А.В. была замужем за членом Самарского окружного суда В.Н.Аристовым), Конских и у начальницы I женской гимназии.

Здесь бывали судейские, преподаватели гимназий, коммерческого училища. Среди последних был учитель рисования, та-

лантливый художник В.В.Гундобин, глубокообразованный, знающий несколько иностранных языков, знаток истории искусств. Его лекции, читанные им по истории русского и мирового искусства на Высших археологических курсах, пользовались, так же, как и лекции П.А., большим успехом. Он любил музыку, ценил игру А.В. и бывал на этих вечерах. Кроме музыки собравшиеся знакомились с литературными новинками, с произведениями зарубежных писателей. Матерлинк - "Сейра Батриса", Кнут-Гамсун - "Виктория", А.Франс, Гауптман, А.Андреев - "Жизнь человека" и пр.

Читал, с присущим ему мастерством, П.Н.Конский. В апреле 1909 г. вечера прервались - обострилась болезнь туберкулез у С.К.Щеглова, которым он хворал с 1906 г. А в октябре 1909 г. он простудился и в начале января 1910 г. его не стало. После его смерти А.В. долго и тяжело болела. Только 1 ноября 1910 г. снова собрались у Аристовых, потом было еще три вечера, из которых два последних были прощальными. П.А. с женой покидали Самару. П.А. получил назначение в Киевский округ директором классической гимназии, в Белую Церковь. А.В. особенно описывает его проводы. Было много подарков - от Родительского комитета, от учеников, от попечительского совета. Платформа была запружена провожающими. Полно цветов. За три года пребывания в Самаре семья Конских снискала уважение и любовь не только учеников, родителей и педагогического коллектива Коммерческого училища, но и интеллигенции, учащейся молодежи - всех, кто посещал его лекции, учился понимать и ценить величие и красоту мирового искусства.

"Каждый директор мог бы смело позавидовать ему, но, к сожалению, немного таких директоров, а даже, может быть, он был единственный". Так кончает свои заметки о Конских А.В.

После нескольких лет перерыва А.В. вновь приняла участие в концерте.

28 марта 1913 г. в зале Народного Дома им.А.С.Пушкина в пользу спасительной станции Императорского Российского общества спасения на водах Самарского округа С.О.И.Р.М.О. была поставлена опера Глинки "Жизнь за царя", сцены из 1, 3, 4 действий и эпилог, прошедшая с большим успехом, "благодаря своему несомненному музыкальному интересу, обусловленному участие хороших сил", - считали знатоки.

"Роль Антонины исполнила г-жа Познанская. Хороший, приятного тембра голос, в связи с интересной внешностью, получили вполне заслуженное одобрения слушателей. Здесь уместно будет указать, что г-же Познанской пришлось внезапно за-

менить заболевшую г-жу Рашковскую, несомненные музыкальные дарования позволили г-же Познанской преодолеть все трудности такого внезапного выступления.

Успех (с Познанской) делила г-жа Погорецкая в роли Вани. Ее сочный грудной голос мощно звучал даже в отдаленных местах зала. Дальнейшая работа еще более разовьет прекрасные голосовые средства молодой певицы. Г-н Васильев с обычным для себя успехом выступил в роли Сабинина. Его красивый и сильный тенор легко справлялся с трудностями партии. Ясная дикция и музыкальная передача исполняемого известны по концертным выступлениям певца. Хорош был Сусанин в исполнении г-на Моченкова, обладающего мягким басом, свободно справляющимся с трудностями высоких нот, не часто можно найти бас такого красивого звука.

Нельзя не отметить прекрасных хоров - мужского и женского. Хороший подбор голосов и тщательная срететовка - главное качество всяких хоров - была в данном случае налицо полностью.

Вообще следует указать, что все ансамбли прошли очень хорошо.

Должную справедливость нужно отдать г-же Щегловой, прекрасно проведшей весь аккомпанемент на рояле. Чудные звуки Стенвейского инструмента (из депо Бэма) вполне заменяли оркестр. Увертюра была сыграна в четыре руки г-жами Щегловой и Бардской. Первое действие дирижировал г-н Рагозин, выказав полное знание своего дела. Остальные сцены были проведены г-ном Васильевым, обнаруживший и в этом свои музыкальные дарования...

Спектакль произвел самое лучшее впечатление, не верилось, что на сцене находились любители, до того их исполнение, в особенности в голосовом отношении, было выше средних провинциальных оперных трупп. Честь и слава, как всем лицам, участвовавшим в опере, так и г-ну Васильеву, положившему так много труда на постановку оперы.

Горячие овации, которые многочисленная публика устроила всем ее участникам, свидетельствуют о том несомненном художественном наслаждении, которое спектакль доставил всем слушателям". Автор этих заметок не оставил своей подписи.

В 1916 г. было два концерта в зале Общественного Собрания, в которых участвовала А.В. Один 24 января был благотворительный в пользу учениц I женской гимназии.

Перед началом спектакля было исполнено: "Боже царя храни" и гимны дружественных нам держав. Была представлена - "Сказка о мертвой царевне" - опера в 5 действиях, 7 картинах.